
ПРАВДИН Д.А.

**ЗАПИСКИ
СТУДЕНТА-МЕДИКА**

НОЧЬ ВАРЕНОЙ КУКУРУЗЫ

Научно-популярная медицина (АСТ)

Дмитрий Правдин

**Записки студента-медика.
Ночь вареной кукурузы**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Правдин Д. А.

Записки студента-медика. Ночь вареной кукурузы /
Д. А. Правдин — «Издательство АСТ», 2020 — (Научно-
популярная медицина (АСТ))

ISBN 978-5-17-127012-4

– Какой унылый видок, – громко нарушил молчание, царившее в автобусе – Рома Попов, коренастый, черноволосый семнадцатилетний юноша, сидевший в левом ряду салона у окна, что сразу за водителем, – неужели нам тут целый месяц чалиться? Но ему никто не ответил. Будущие студенты медицины, а пока еще отправленная в колхоз бесправная абитура, не горели желанием шевелить языком в такой пропылённой духоте и вступать в сомнительные дискуссии. Не спасали пассажиров и открытые настежь окна: в салоне жутко пахло бензином и раскаленным железом – автобус внутри почему-то почти не охлаждался. Двадцать девчат и десять парней под присмотром пары серьезных с виду преподавателей с рюкзаками и спортивными сумками, в рабочей одежде неслись вперед, навстречу трудовому подвигу в колхоз «Красный пахарь».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-127012-4

© Правдин Д. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Правдин

Записки студента-медика.

Ночь вареной кукурузы

Глава 1

Полуденная жара пошла на убыль, от бескрайних картофельных грядок по обе стороны дороги, закатанной в потрескавшийся асфальт, потянуло вечерней прохладой. Автобус с будущими студентами медицинского института бодро катил по осенней пыли «в колхоз». Чахлые рощицы, поля с пожухлой ботвой и серой рассыпчатой землей мелькали за окнами.

– Какой унылый видок, – нарушил царившее в автобусе молчание, Рома Попов, коренастый, черноволосый семнадцатилетний юноша, – неужели нам тут целый месяц мучиться?

Но ему никто не ответил. Будущие медики тряслись в жарком автобусе в пропылённой духоте, и разговаривать никому не хотелось. Не спасали пассажиров открытые настежь окна: в салоне пахло бензином и раскаленным железом. Двадцать девчат и десять парней в рабочей одежде с рюкзаками и спортивными сумками двигались навстречу трудовому подвигу в колхоз «Красный пахарь».

– А может и того больше, – неожиданно поддержал разговор хмурого вида водитель – пожилой уса́тый дядька в красной клетчатой рубашке. Похоже, он меньше всех страдал от жары. Из приоткрытого бокового окна освежающая воздушная струя точно била в его загорелую грудь.

– В смысле? – Рома оторвался от окна и посмотрел на покрытый кожными складками затылок собеседника.

– А без смысла, – ухмыльнулся шофер, – пока все не уберете, вас никто никуда не отпустит.

– Вот это все мы должны убрать? – абитуриент растерянно обвел рукой мелькавшие за окном поля.

Ребята оживились, в автобусе возник нездоровый гул. Не успевшие еще перезнакомиться между собой первокурсники очнулись от дорожной спячки, вызванной монотонным гудением двигателя и длинной дорогой. Их тон явно носил недружелюбный характер. Взбодрились и уставшие преподаватели: Максим Сергеевич Полоскун, ассистент кафедры инфекционных болезней – пухлый невысокий весельчак с аккуратной эспаньолкой на породистом лице и Виктор Сергеевич Мохнатов, ассистент кафедры факультетской хирургии – сорокалетний мрачного вида дядька, сухой и жилистый, с угрюмым гладковыбритым лицом.

– Товарищ, как вас там? – не выдержал Максим Сергеевич, – Вы чего нас заранее расстраиваете?

– Геннадий Михайлович я, а можно просто – Михалыч. Ничего я вас не расстраиваю, наоборот, подготавливаю к суровой правде жизни.

– И в чем же, по-вашему, правда? – продолжил инфекционист. – Нам сказали, что мы едем ровно на месяц. Вот сегодня, в понедельник 25 августа 1986 года начался отчет. Следовательно, 25 сентября мы будем обратно.

– Убудете, если все уберете, – не моргнув глазом, продолжил беседу Михалыч. – А не уберете, тут уж извиняйте, придется остаться. В прошлом году студенты с пединститута к нам приезжали: тоже, вроде как, на месяц. А, мягко говоря, работали спустя рукава. Пришлось им еще на пару недель задержаться, до самых белых мух. А вы разве не в курсе?

– Нет, – Полоскун погладил холеную бородку, – первый раз слышу. Мы как-то с пединститутom не пересекаемся.

– А зря, – недовольно крякнул Михалыч, – они много чего могли бы рассказать.

– Вы нас тут не пугайте, у нас с первого октября начинается лекционная неделя.

– Макс, – толкнул его в бок, сидевший рядом Виктор Сергеевич, – не кипятись. У нас впереди вагон времени. Может, наоборот, еще раньше уедем. А ты тут уже преждевременную панику наводишь.

– А вот раньше, хе-хе, – улыбнулся водитель, – вряд ли удастся уехать.

– А если дожди вдруг затянут? – крикнул кто-то из студентов, – Ведь в дождь, никто картошку не копает.

– Не копает, – согласился Михалыч, сбавляя скорость перед небольшой ямой, – не переживайте – в колхозе работа всегда найдется. К примеру, в овощехранилище. Картошку мало убрать, ее еще и отсортировать нужно, просушить и засыпать на хранение.

Симпатичная девочка с умненьким личиком в новой спортивной форме, сидевшая впереди преподавателей, отложила сумку.

– А я по телевизору смотрела, что сейчас в колхозах и совхозах почти все механизировано. И роль человека в уборке и обработке урожая, в том числе и картофеля, сведена к минимуму.

– Это где ты такое смотрела?! – водитель обернулся, оторвав глаза от дороги.

– По телевизору, – улыбнулась абитуриентка. – Не помню, как передача называлась, кажется, «Сельский час».

– Не знала, Маша, что ты такие передачи смотришь, – фыркнула ее соседка справа.

– А что, интересная и познавательная передача. Я же знала, что нам предстоит в колхоз ехать, после того как в институт поступим, и решила ознакомиться, что к чему. Я же в деревне никогда не была и корову только видела только по телевизору.

– Да-а-а, много мы с такими помощниками нароботаем, – поморщился Михалыч. – Корову они по телевизору видели, и то, что весь процесс сборки нового урожая механизирован, узнали случайно. С какой стороны к грядке подойти не знают. Да сроду в нашем колхозе все руками собирали. Ручонками вот этими! Картофелекопалка только рядки вам подкопает, а следом становишься на четвереньки и пошел в ведра картоху метать, а дальше в машину ее ссыпашь. Вот вам и вся механизация. Да, есть еще сортировка на овощехранилище. Она вроде как автоматически все делает. Только ломается часто. А ремонтировать у нас не спешат. А и зачем? Если каждый год студентов к нам присылают.

– Зачем вы так? – инфекционист посмотрел на крутящегося баранку Михалыча, – многие наши ребята городские, про крестьянскую работу только понаслышке знают. Но они, вообще-то, в медицинский поступили, а не в сельхозинститут. И не виноваты они, что их тащат к вам на помощь.

– Ага, – скривился Михалыч, переключая рычаг скоростей, – жрать-то мы все горазды, а как это достается...

– Ну, знаете, – возмутилась Вика Глазова, – если бы нам не грозили отчислением за ваш колхоз, то никто бы сюда из нас и носа не показал. Я, между прочим, на врача пошла, учиться, а не в поле вашем грязь месить. Если у нас все рванут в деревню работать вместо учебы, то кто же вас лечить, потом станет.

– Вика, прекрати, – одернул ее Максим Сергеевич, – партия сказала надо – комсомол ответил – есть! Ты же комсомолка?

– И что с того? Поэтому я должна целый месяц, или как нас тут обрадовал уважаемый водитель, и того больше, на картофельном поле себе грыжу зарабатывать. Мне-то это зачем?

– Девушка, да не расстраивайтесь вы так, – улыбнулся Михалыч, – У меня внучка ваша ровесница, ей тоже семнадцать исполнилось, в этом году в Питере в Политех после десятилетки

поступила, так их тоже сейчас в колхоз отправляют. Просилась, чтоб к нам в деревню послали, не разрешили. Сказали, что по месту учебы надо в колхоз ехать.

– Михалыч, а вы серьезно говорили, что мы все это, – Виктор Сергеевич кивнул в сторону окна, – должны будем убрать?

– Да, не, это вы убирать совсем не станете. Это земли колхоза «Красное знамя», а до нашего «Красного пахаря» еще минут сорок. У нас и места красивше и земля помягше, и даже лес и озеро имеются. Можно грибы собирать и рыбу удить, если, конечно, у вас силы останутся. А в «Красном знамени» – одни поля и леса нет совсем.

– И что мы, по-вашему, с этой рыбой и грибами делать будем? – удивился Рома. – Где жарить?

– А, ну да, ну да, – смутился Михалыч, – это я погорячился. Вам и грибы пожарить-то негде.

– А, правду говорят, что ваш колхоз миллионер? – проявил осведомленность тоненький бледный мальчик в больших очках и наружностью ботаника Павлик Прохоров.

– Миллионер, – кивнул Михалыч, – точно миллионер – два миллиона государству должен.

– Как так? А я в газетах читал, что он один из передовых колхозов области.

– В передовых, по долгам.

– Так получается, что мы у вас ничего не заработаем? – приуныл Павлик.

– А ты что, еще и заработать в колхозе собрался? – тряхнула двойным подбородком Вика Глазова, с жалостью посмотрев на «ботаника».

– А почему бы и нет? Нам же должны за нашу работу какие-то трудодни, или как там сейчас называется, начислять? У меня старший брат два года подряд ездил в колхоз, так на мотоцикл себе заработал.

Красивая девочка Маша Старцева вновь блеснула знаниями из телевизора:

– Да, я тоже слышала в одной передаче, что студентам полагается заработанная плата. Не такая как у вас, потому как наш труд не квалифицированный, но он тоже должен оплачиваться.

– Ну, во-первых, вы еще никакие не студенты, – покосился на нее многоопытный Михалыч, – вы еще колхоз сначала переживите. А во-вторых, насчет оплаты поговорите с председателем колхоза, может, он вам что-то и заплатит. Вычет за питание, за проживание, за спецодежду, а что останется, то ваше. Вот в прошлом году студенты из пединститута ничего не заработали, еще и должны колхозу остались.

– Как это должны? – поправил сползшие на кончик носа очки Павлик.

– А вот так: больше проели, чем заработали. Картошки мало собрали. Вон позапрошлый год были студенты из технологического института, те хорошо заработали. Правда, среди них половина деревенских ребят оказалась. Те с детства к нашему труду приучены. А у вас деревенских много?

– Я из деревни. Я, – послышались тихие голоса с задних рядов.

– А я из поселка, но мы тоже картошку сажаем, – гордо произнес один высокий рыжий мальчик с оттопыренными ушами, но увидев насмешливые взгляды в свою сторону, быстро стушевался и замолчал.

– Что и требовалось доказать, – покачал головой Михалыч, – три человека. А остальные картошку только в магазине видели. Ну, о чем тут говорить?

В салоне повисла неловкая пауза. За окном тем временем поля закончились.

– Почти приехали, – Михалыч свернул с дороги вправо к выросшему, словно из-под земли населенному пункту, – вот наша деревня Петровка.

– Большая деревня, – крепкий, короткостриженный парень ткнул пальцем в окно, – даже трехэтажки имеются.

Четыре трехэтажных дома из белого кирпича с телевизионными антеннами на крышах находились на въезде в деревню. Толком рассмотреть ничего не удалось из-за столба пыли, выбитой колесами обогнавшего их автобус новенького молоковоза.

– Ах ты, Серега, язви тебя в душу, – выругался Михалыч и со всей силы надавил на клаксон, издав душераздирающий затяжной звук: «би-и-и-и-и». Но Серега не остановился, а попылил дальше, громяхая пустой желтой цистерной с синей надписью «Молоко». – От же паразит какой, на вечернюю дойку опаздывает и теперь несется как угорелый! Ну, я ему задам, бандиту, когда поймаю, – Михалыч погрозил «набитым» от долгого вращения жесткого руля кулаком и сбросил скорость.

– Весело тут у вас, – громко произнес кто то.

– Страда, – Михалыч, вглядываясь в дорогу. Когда пыль осела, он прибавил скорость.

Тем временем автобус подрулил к двухэтажному чистенькому деревянному зданию, обшитому снаружи синей вагонкой. Рядом с крыльцом висела покрытая стеклом табличка, где сообщалось, что здесь находится правление колхоза «Красный пахарь».

– Ребята, я вам вот что скажу. Выбирайте себе командира отряда, чтоб был толковый и рассудительный парень, чтоб разбирался в деревенских особенностях. И пускай он контролирует всю работу: сколько вы машин картошки за день собрали. Если придется потом в овощехранилище работать, сколько ее отсортировали, сколько засыпали. Ну и так дальше. И главное, записывайте номера машин, с которыми будете работать. Потом в конце рабочего дня здесь у председателя или кто его заменять будет, сверяйте с нарядами. Главное записывайте все номера машин.

– А для чего это нужно? – спросил Максим Сергеевич. – Что-то я не очень понимаю?

– Да чтоб вас не облапошили с оплатой, чудака-человек, – впервые за всю дорогу Михалыч душевно улыбнулся.

– Ясно! – воскликнул инфекционист. – Спасибо вам, Михалыч, за добрый совет! Только кого же мы изберем на роль командира отряда? Ребята же между собой почти незнакомы. Может, кто предложит?

– Предлагаю назначить меня, – без ложной скромности оживились девчонки. – Меня!

– Вика, – Полоскун посмотрел на одну из них, – посмотрел впереди себя – а ты что, из деревни?

– Еще чего! – фыркнула Вика. – Всю жизнь в городе прожила, а разве по мне не заметно?

– Заметно, поэтому я и спрашиваю, чего вдруг ты свою кандидатуру предлагаешь, хотя о деревенской жизни не имеешь ни малейшего представления. Вон Маша Старцева, – инфекционист подсмотрел список, лежащий у него на колене, – тоже городская, но она хотя бы «Сельский час» смотрит. А ты ни сном, ни духом в сельском хозяйстве.

– А я всегда была лидером: вначале председателем совета дружины школы, а после секретарём комитета комсомола школы. И тут в институте, думаю, стану старостой или, как правильно говорить?

– Старостой, – кивнул Максим Сергеевич, обводя взглядом готовившихся на выход абитуриентов, – но здесь это не поможет. В теме надо быть. Парень, вот, как тебя?

– Александр Твердов.

– Так, Твердов! – улыбнулся Максим Сергеевич, еще раз посмотрев на список. – Ты же еще говорил, что Петровка большая деревня?

– Говорил.

– Ты сам, откуда родом? Ну, из какой местности: городской, деревенский?

– Я из поселка. Если вы имеете ввиду сельскохозяйственные навыки, то они у меня есть. У родителей был большой огород, и в школе нас, начиная с восьмого класса в подшефный колхоз отправляли. У меня это колхоз уже четвертый по счету.

– Ну вот, как раз то, что надо! Парень, я вижу, ты серьезный, о картофеле, знаешь не понаслышке.

– Вы что, меня предлагаете в председатели, тьфу, как его?

– Командиры. В командиры отряда выдвигаю, – улыбнулся Максим Сергеевич.

– Ну, я как-то не готов, – замялся Твердов. – Никогда, знаете ли, не был командиром.

– Вот, он не был и не желает, а его все равно выдвигают, – со злостью заметила Вика Глазова.

– Так, ребята, есть еще другие кандидатуры? – поинтересовался Максим Сергеевич. – Нет? Тогда давайте голосовать, а то нас уже ждут, – он бегло глянул в сторону крыльца, где рядом с Михалычем стояли рядом два загорелых человека и курили, пуская серый едкий дым.

На улице стояла удушливая безветренная погода. Один курильщик был одет в серый пиджак и мятые брюки (так обычно бывает, когда человек часто и подолгу сидит), другой – в застиранный военный камуфляж и вельветовую кепку.

– Других кандидатур нет, – за всех ответил бойкий Рома Попов и подмигнул новоявленному командиру отряда.

– Нет так нет, давайте голосовать! – энергично произнес Полоскун и первым поднял руку. – Единогласно! Поздравлю! Так, хватит рассусоливать, командир отряда Александр Твердов. Все, ребята, давайте на выход, нас уже местное начальство заждалось.

Вика едва не задохнулась от возмущения, но переборов волну негодования, молча выдернула из-под сидения свою красную сумку и поплелась на выход. Вылезла она из автобуса самой последней. К тому времени ребята уже собрались возле крыльца правления и, тихо переговариваясь между собой, слушали.

Человек в сером костюме и галстук оказался не председателем колхоза, как многие подумали, а парторгом: вторым человеком в «Красном пахаре», Юрием Ильичем Ендовицким. Ни одно мероприятие не проходило без его непосредственного участия. А тут приезд целой команды помощников в виде трудового десанта из медицинского института в составе 32 человек, включая преподавателей.

Плотный лысоватый человек лет сорока с противной улыбкой на гладко выбритом лице, не думал о многом. Его тайные помыслы были всегда просты и прямолинейны: все держать под контролем, но самому при этом не работать, ладить с начальством и обеспечивать цензуру среди работников, представляя руководящую и направляющую роль коммунистической партии в отдельно взятом колхозе.

А вот человек в камуфляже, Николай Кузьмич Савин, как раз и являлся местным председателем. Лет пять назад вышедший в отставку военный, уроженец этих мест, в свои пятьдесят с копейками полон сил и энергии. Сухой, поджарый, роста выше среднего, он походил на неутомимого гончего пса. Все его движения руками при разговоре, подёргивание плечами, переминание с ноги на ногу, выдавали в нем желание сорваться с места и бежать немедленно по колхозным делам.

Председатель колхоза кратко, без предисловий объявил, что жить они будут в обычных деревенских домах, причем мальчики и девочки раздельно. Преподавателей определили к Поликарповне, которая уже выделила в своих трехкомнатных хоромах для приезжих комнату с отдельным входом. Мальчишкам предоставили обычную деревенскую избу со снесенными внутри перегородками, девчонкам досталась изба, стоящая в двадцати метрах, большего размера. Удобства, как и положено в деревне, были во дворе.

Любопытно, что жилище Сергеевичей, так деревенские по-свойски окрестили преподавателей, Максима Сергеевича и Виктора Сергеевича, отстояло от домов абитуриентов на добрую пару километров. То есть выходило, что бойцы отряда проживали на одном краю деревни, а их непосредственные руководители на другом. И получалось, что ночью ребята оказывались практически без надзора и были предоставлены сами себе. Лишь командир отряда – Александр

Твердов, которого уже нарекли промеж себя «Председателем», формально оставался местным начальством.

Савин своей властью распорядился, чтоб первокурсникам выдали спецодежду: резиновые сапоги, куртки и сапоги, вязанные крепкие перчатки. Все имущество следовало получить на колхозном складе под роспись. Кроме того, в дом к девочкам и мальчикам поставили по черно-белому телевизору.

– Спрос, если раскурочат, с тебя, – Савин похлопал по плечу Твердова, – Антенны на крыше есть, кабель протянут. Надеюсь, соображения хватит, как подключить.

Колхозная столовая располагалась в просторной избе, рубленой из сосновых бревен с побеленной печью и десятком столов в два ряда под голубенькими клеенками. На широком деревянном прилавке были выставлены испеченные тут же плюшки и ватрушки с творогом. Большие просторные окна, с ситцевыми занавесками и вкусные запахи от приготовленных блюд, добавляли домашней обстановки. Над всем царили краснощекие девушки с картин Кустодиева: Марина и Ольга – обаятельные хохотушки.

Язык не поворачивался назвать это уютное место «столовой». Вся еда приготовлена с любовью и казалась необычайно вкусной. Особенно радовало неожиданно большое количество мяса. Не того резинового, долгожующегося, как в городе, а именно Мяса: сочного, мягкого и ароматно-сытного.

После получения спецодежды закинув вещи в свои новые дома, под руководством парт-орга Ендовицкого проголодавшиеся первокурсники отправились на ужин. Гуляш с густым подливом, картофельное пюре на настоящем молоке, душистый хлеб, испеченный в местной пекарне и огромное количество плюшек и ватрушек с терпким черным чаем подняли настроение даже у самых отчаявшихся бойцов отряда.

– Ребята, не стесняйтесь, кому добавки? – с улыбкой предлагали Марина и Ольга.

Вывалились на улицу абитуриенты с огромными животами и довольными физиономиями.

– Эх, сейчас бы соснуть минут шестьсот, – мечтательно произнес разомлевший Максим Сергеевич.

– Это еще успеется, – холодно оборвал его парторг, – надо решить еще один весьма актуальный вопрос.

– Что еще за вопрос? – напряглись без пяти минут студенты. – Неужели прямо сейчас нас на работу погонят?

– У нас на работу не гонят, – ответил второй по значимости человек колхоза «Красный пахарь», – а цивилизно отвозят на автомобилях. И потом, уже ночь на дворе. Все работы для вас начнутся завтра с утра. За вами в восемь часов заедет наш колхозный автобус, он и отвезет вас вначале на завтрак, а затем сразу в поле.

– Так, а что тогда? – с интересом посмотрел на него Виктор Сергеевич. – Ребята, знаете ли, устали, три часа в автобусе по такой жаре тряслись. Еще надо определиться с ночевкой.

– О-о, – расцвёл парторг, – это не отнимет у вас много времени. Надо определиться со временем подъёма флага.

– Подъемом чего? – чуть не поперхнулся дожёвывавший на ходу ватрушку с творогом Павлик Прохоров. Несмотря на свою ужасающую худобу, он обладал хорошим аппетитом.

– Флага, флага, вы не ослышались, – ответил парторг. – У нас существует традиция: все студенты, что приезжают к нам на картошку, свой новый трудовой день начинают с подъёма флага под гимн Советского Союза. Флагшток надежно вкопан в землю возле ваших домов, а сам флаг и кассету с записью гимна я передам командиру отряда. Надеюсь, магнитофон у вас имеется?

– А если нет, то что? – с вызовом поинтересовался Миша Пакетов, по кличке «Пакет», отчаянный парень, в свое время завсегдатай детской комнаты милиции. В институт он посту-

пил исключительно по прихоти своей мамы, главного акушер-гинеколога города. Она почему-то решила, что ее мальчик должен непременно стать врачом.

– Тогда вам придётся перенести ваш подъем на шесть утра, когда гимн играют по радио. Радиоточка в ваших домах оборудована.

– Странно, – переглянулись между собой Сергеичи.

– А чего странного, – парторг посмотрел на абитуру тяжелым взглядом, – подъем флага символизирует начало нового трудового дня и настраивает, так сказать, на трудовой подвиг. Дисциплинирует, в конце концов.

– А без этого никак нельзя? – поморщился Полоскун.

– Да, вы что? – впервые за все время знакомства Ендовицкий перестал улыбаться. – Как можно? Это незыблемая традиция нашего «Красного пахаря». Все студенческие отряды, что приезжали к нам, до вас ее активно поддерживали. Не вижу смысла прерывать. Это же еще и политическое дело.

– Максим Сергеевич, – загорелись глаза у бывшего комсомольского лидера Глазовой, – это же так здорово: начинать новый день под подъем флага и гимн нашей страны.

– Особенно в шесть утра, – пробурчал Сергей Пахомов, больше известный в определённых кругах как «Пахом».

У Пахома папа – доцент в мединституте на кафедре патологической физиологии, который мечтал видеть, как его сынок, стоя рядом с ним, работает с подопытными кроликами. Сынка же, по большей части, воспитывала улица и ему давно уже была уготована судьба законченного рэкетира. Но в среде правильных пацанов тогда еще было принято уважать мнение предков, хотя бы формально, и оттого Пахом, скрепя сердце, поступил в мединститут. Парень он не глупый, начитанный, поэтому с лёгкостью сдал вступительные экзамены. Тем более являясь действующим чемпионом города по боксу в среднем весе и заслужив мастера спорта, Пахом представлял повышенный интерес для кафедры физвоспитания, активно боровшейся за престиж своего ВУЗа.

– А ты что, сюда спать приехал? – резанула его гневным взглядом Вика.

– Что ты, разумеется, работать: вкалывать до посинения во благо нашей великой Родины! – усмехнулся Пахом.

– Ой, ща расплачусь от умиления, – Пакет знал о Пахеме не понаслышке, – Сережа Пахомов – ударник коммунистического труда. Может, ему еще и медаль за ратный труд вручат, а, товарищ парторг?

– Ну, медаль не медаль, – сделал важное лицо Ендовицкий, – а почетную грамоту выпишем при условии вашей отличной работы. Подчёркиваю – отличной.

– Я буду очень стараться! – выпятил накачанную грудь вперед Пахом.

– Пахомов, прекрати кривляться, – поморщилась Вика, – не разлагай дисциплину.

– Ой, только не это, я вас умоляю, – уже отрывисто веселился боксер, – только не в терновый куст.

– Так, все! – неожиданно гаркнул стоявший чуть в стороне Виктор Сергеевич. Он в свое время пять лет работал хирургом на тюремной больнице и не понаслышке знал, то, что другим знать не положено, а потому мог грамотно общаться с разномастной публикой. Сейчас он на корню зарубил глумление юных экс-хулиганов. – Раз здесь принято по утрам поднимать флаг, то мы тоже будем. Поддержим традицию.

– И опускать, – кивнул парторг. – Да, утром подъем флага, вечером его спуск.

– И тоже под гимн? – почесывая кончик носа, поинтересовался новоявленный командир отряда.

– Разумеется! – подтвердил свежей широчайшей улыбкой Юрий Ильич. – Под гимн. Так что там с магнитофоном?

Магнитофонов оказалось целых три. Два у парней: у Леши Макарова, веселого и бесшабашного парня из славного северного города Магадана, отчаянного рокера, и Коли Назарова, жителя знаменитого Комсомольска-на-Амуре, любителя советской и зарубежной эстрады, правда, больше зарубежной. И один магнитофон оказался у Нади Веселовой – жительницы областного центра, обожающей в любое свободное время танцевать. После непродолжительных дебатов сообща приняли решение, что гимн Советского Союза станут прокручивать на магнитофоне магаданца Макарова. Все же его новейший «Элегия 301» куда лучше воспроизводила звук относительно стареньких аппаратов «Соната 211» и «Томь 303», принадлежавших остальным магнитофоновладельцам.

Уже глубокой ночью, ближе к полуночи, первокурсники в сопровождении парторга, наконец, добрались до своих спальных мест и попадали на железные кровати, заправленные шерстяными солдатскими одеялами. Приятно удивило чистое постельное белье.

В строю остались самые стойкие и те, кому по должности полагалось оставаться на ногах: оба преподавателя, командир отряда Саша Твердов, боксер Пахомов и Вика Глазова. Привязав флаг к флагштоку Ендовицкий, подсвечивая себе карманным фонариком, потянул за капроновую верёвку на себя, и красное полотнище устремилось куда-то вверх.

– Эх, не видно, – с досадой сказал парторг, продолжая одной рукой тянуть веревку с привязанным символом, другой держать гаснущий прямо на глазах электрический фонарик, – еще и батарейки сели. Невесть откуда-то налетевшие непроницаемые облака затянули все звездное небо, скрыли желтую луну.

Товарищ Ендовицкий, гляньте, у вас флаг назад возвращается, – ткнул пальцем в сторону флагштока командир Твердов.

– Ох, ты! – беззвучно ругнулся Юрий Ильич, – узрев, как из чернильной темноты к ним медленно движется сверху алый стяг. – Перекрутил. И, как назло, ветра нет, флаг не развевается.

– А что, другого освещения нет? – прыснул в кулак Пахомов.

– Там над крыльцом есть, но лампочки перегорели, забыли заменить. Завтра исправим. Давайте еще раз попробуем. Подержите кто-нибудь фонарик.

– Юрий Ильич, нам все ясно, – выступил из темноты Полоскун, отмахиваясь сорванным листом лопуха от назойливых комаров, – пора закругляться, нам еще с Виктором Сергеичем надо до своего жилья как-то добраться.

– Я вас провожу, – громко хлопнул себя по шее парторг, убив сразу несколько жирных рыжеватых комаров, приступивших пить его горячую кровь верного ленинца, – вначале надо же убедиться, что флаг поднимается до самого верха.

– Юрий Ильич, раз флаг вернулся назад, то он, выходит, сделал полный оборот. Веревка же по кругу ходит, – высказал своё соображение Пахомов.

Через незашторенные окна стоявших неподалеку домов абитуриентов лился слабый свет. В его лучах можно было рассмотреть, как на лице парторга отображается мыслительный процесс. В какое-то мгновение показалось, что его голова взорвется, распираемая происходящей в ней борьбой.

– Возможно, – выдохнул Ендовицкий, снова протянув руку к веревке на флагштоке, – но проверить еще раз не мешает.

Еще дважды парторг заставлял символ Советского государства взлетать в темноту и с тихим шуршанием возвращаться на исходную. Но как он там, в вышине, гордо реет над деревней Петровкой, увы, не разглядел.

– Так, все, товарищ Ендовицкий, – молчаливый хирург Мохнатов больше не мог смотреть, как неугомонный парторг в третий раз потянулся к капроновой веревке флагштока, – довольно играть. Ребятам спать пора, да и нам тоже. Утром уже разберемся.

– Точно разберетесь? – Юрий Ильич выключил уже совсем едва тлевший фонарик и повернулся к говорившему.

– Разберемся!

– Так вас же не будет. Или вы придёте на подъем флага? Я, сам лично, приду, проверю.

– С флагом и с гимном мы совладаем, – махнул рукой Пахомов, – вы нам лучше скажите, где здесь у вас туалет и вода, чтоб помыться?

– Туалет там, – парторг показал в сторону выступавшего из темноты сооружения, похожего на сарай, а мыться вот здесь, – его рука показала на забор из дощатого штакетника с заострённым верхом, разделявшим женский и мужской дворики. При слабом оконном освещении тускло блеснули прикрученные к забору умывальники. – Вода в колодце, что за углом. Тут где-то во дворе железная печка стоит, и дрова в углу сложены. Растопите ее, нагреете воды, если холодная вас не устраивает.

– Простите, а что, девочки и мальчики в один туалет должны ходить? – изумилась Вика, все это время внимательно следившая за героическими потугами парторга.

– А что делать, – пожал он плечами, – издержки деревенской жизни. Но вы не отчаивайтесь, он разделен на кабинки.

– Кто он? – чуть не плача спросила Вика, снимая с себя гроздь комаров.

– Туалет! – почти выкрикнул парторг и вновь устремил свой взор на почти растворившийся в темноте флагшток.

Глава 2

Холодное утро выдернуло Твердова из кровати и выгнало на улицу ни свет, ни заря. Выбравшись из теплой постели наружу, он зябко поежился, глянул на часы: 05–30, взял висевшую на дужке кровати одежду, оделся и осмотрелся по сторонам.

В большую прямоугольную комнату впили 12 армейских железных кроватей с панцирной сеткой и расставили аккуратно, но непрактично: где-то широкие промежутки, а где-то маленькие. Две кровати возле самого выхода, остались пустыми. На остальных безмятежно спят будущие первокурсники, многие прямо в верхней одежде. Как сморил их вчера богатырский сон, так они и уснули, едва дотянувшись до подушки под казенной наволочкой, будучи не в состоянии нормально раздеться.

– Надо сказать местному начальству, чтоб две лишние кровати отсюда убрали, места тогда станет больше, – подумал командир отряда, нажав пальцем на кнопку выключателя и погасив зажжённую еще с вечера лампочку.

Справа от выхода – давно нетопленая кирпичная печь с чугунной плитой. Ее квадратная, чуть покосившаяся труба, упирается в потолок, три окна украшены бирюзового цвета шторами. Слева от выхода – стол с порезанной в нескольких местах голубой клеенкой и черно-белым телевизором «Чайка 206». Имеется даже стабилизатор напряжения, с намотанным вокруг него проводом под закреплённой на стене розеткой.

Твердов дотянулся до ближайшей форточки и распахнул ее, подставив лицо под струю свежего воздуха. В комнате, мягко говоря, за ночь хорошо надышали. Скрипнув разошедшейся дверью, Александр вышел на улицу, едва увернувшись от низкого косяка.

– Здорово, студент, – окликнул его веселый мужской голос.

– Доброе утро...

Из-за молочного тумана, окутавшего округу, виднелся только неясный силуэт.

– да мы не совсем еще студенты, только в институт поступили.

– Поступили, выходит уже студенты.

– Да, но посвящения в студенты у нас еще не было. Считается, что полноценным студентом можно стать, когда нам выдадут студенческие билеты. А до тех пор мы пока абитуриенты.

– А когда оно у вас, посвящение? – человек вышел из тумана и приблизился к Твердову.

Роста ниже среднего, лет около тридцати, голубоглазый, одет в простенькие серые брюки, мятый, надетый прямо на голое тело, коричневый пиджачишко. На голове серая от грязи «капитанская» фуражка со сломанным лакированным козырьком, давно не стриженные черные с волосы. На его загорелом лице вместо бороды по подбородку несколько штук длинных волосинок. Незнакомец протянул Твердову руку.

– Сергей, можно просто Серега, – представился он, обдав Твердова сложным амбре, состоящим из смеси ядреного чеснока, плохого самогона, едкого пота и дешёвого табака.

– Александр, можно просто Саша, – пожал руку новому знакомому Твердов. – Чего не спите? Чего встали в такую рань?

– Да, можно на «ты», – улыбнулся Серега, – Мы же в деревне встаем завсегда рано и у нас тут все по-простому. Тебя как по батюшке?

– Иванович. Александр Иванович.

– Значит, проще звать Иванычем.

– А вас как?

– Чего, как?

– Ну, по отчеству как?

– А, брось, – Серега вяло махнул рукой и полез во внутренний карман засаленного пиджака за «Примой». – Все меня Серегой зовут. И ты зови. Я сосед ваш, – он привычно раз-

мял сигарету желтыми от частого курения пальцами, Чиркнул спичкой об край коробка, прикурил и жадно затянулся. – Моя квартира с вашей через стенку, – пояснил Серега, выпуская из себя через ноздри вонючий дым.

– Как это через стенку?

– Просто: дом-то хоть и одноэтажный, но двухквартирный. Без удобств, правда. С одной стороны, моя квартира в три комнаты, а с другой ваша, в две.

– Так у нас вроде бы одна комната.

– Раньше было две. Тут Вася Косяк жил. Бухал он крепко, помер года три назад. Хороший тракторист был, когда трезвый, и человек душевный. Да... Вот на этом самом крыльце, – Серега ткнул дымящимся окурком за спину стоявшего перед ним Твердова, – и окочурился. Ну, после этого тут никто жить не захотел. Председатель велел перегородку между комнатами снести и сделать общежитие для студентов. А то до этого они в старой школе жили. Новую двухэтажную из кирпича как сварганили, то старую разбирать не стали, приспособили под общежитие.

– В школе? А где там спать?

– Так известное дело – на нарах. Старая школа – она же деревянная, бывшие кулацкие хоромы. Там в кабинетах доски по периметру прибили сантиметрах в семидесяти от пола, вот тебе и нары. В матрасовки сена набили, вот тебе и спальное место.

– А что такое матрасовки?

– Ты че, не знаешь, что есть матрасовка? Чехол, который на матрац натягивают.

Туман постепенно рассеивался, и за спиной Сереги пробился флагшток и край общественного туалета. Твердов посмотрел в их сторону и погрузился. Собеседник перехватил его взгляд, обжигая пальцы «добил» сигарету, бросил на землю окурком.

– Чего задумался? Придет Балабол на подъем флага или нет? Придет, будь спок!

– Кто придет?

– Балабол, это мы промеж себя так парторга Ендовицкого прозываем. Треплется падла много. Но, ежели чего сказал, то сто процентов выполнит, тут можно не сумлеваться. Но не бойсь, сегодня, может, завтра еще с утра у вас появится, а потом забудет болт. У него и без вас полно дел.

– А во сколько он приходит?

– Да, по-разному, вам же к девяти на работу? Значит в семь подъем. Вот тогда и ждите.

Последние слова Сереги Твердов пропустил мимо ушей. Из женского общежития выскользнули две завернутые в цветастые платки голенастые фигуры и на полусогнутых прошмыгнули в отхожее место. Твердов еще больше заволновался.

– А ты в мой толчок сходи, – дружелюбно предложил Серега, окинув сочувствующим взглядом пританцовывавшего около него командира отряда, – он там, слева, в тех кустах, – кивнул он в противоположную сторону. Александр не стал ничего уточнять, а живо припустил в указанном направлении.

Вернувшись, он застал Серегу на том же месте, в той же позе, но уже с новой сигаретой.

– С облегчением! Можете в мой галюн смело ходить, разрешаю. А то негоже с девками-то вместе.

– Спасибо, но как-то не очень удобно, – замялся Твердов.

– А, забей! – поглубже затянулся Серега, пыхнув рубиновым огоньком сигареты, – Не удобно с девками в одном месте нужду справлять. А у меня сарайчик что надо, ты сам только что заценил.

– А ты кем в колхозе работаешь, – желая сменить не совсем приятную для него тему, поинтересовался Александр, – трактористом или на комбайне?

– А нигде, – широко зевая, ответил Серега, затоптав мокрым кедем второй окурком, – я давно вышел из колхоза, по идейным соображениям.

– А разве так можно? – изумился командир отряда. – Да еще и по идейным соображениям?

– А у нас сейчас не тридцать седьмой год, слава Богу! Теперь другие времена: перестройка, гласность, и все такое.

– А при чем тут тридцать седьмой год?

– А ты не знаешь, что тогда в стране в те годы происходило, в школе разве не проходили?

– В школе, – Твердов задумался, – Да, как-то....

– Вот, вот, – продолжая зевать, перебил его Серега, – сейчас в школе такое не особо разбирают. А у меня и дед, и прадед пострадали – репрессировали их. Вначале в колхоз силой заставили вступить. Они лошадь последнюю туда свели, а прадеда после взяли и расстреляли, а дед четверик получил как враг народа. Так и сгинул в лагерях. До сих пор не знаем, где его косточки зарыты. А я, вот, решил восстановить историческую справедливость: вышел из колхоза. Правда, лошадей не вернули. Да, сказать по правде, и лошадей у нас в колхозе уже почти не осталось, все сплошь трактора. Думаю, Горбачеву писать, пушай подсобит. Как думаешь, есть в этом смысл?

– Опять ты треплешься, черт кудлатый! Ты травы кроликам нарезал? Корову в стадо выгнал? – неожиданно прервал их интеллектуальный диалог визгливой женский голос. И на сцену явилась Ольга – жена колхозного диссидента.

Когда-то, по-видимому, красивая молодая женщина, от бесконечных родов и непосильной крестьянской работы, сейчас поблекла и находилась не в лучшей форме. Немного за тридцать, среднего роста, с гладкой белой кожей и русыми волосами, выбившимися из-под съехавшего на бок ситцевого платка, полные тоски и грусти глаза, маленький, обрамленный тонкими губами рот, узкие плечи. Одета она в мятую зеленую юбку и в розовую застиранную кофту, под которой просматривались тяжелые голые груди и большой живот. Чуть полные икры обтянуты короткими резиновыми сапогами.

– Ой, здравствуйте вам, – смутилась женщина, разглядев, что Серега стоит не один, машинально застегнув все пуговицы на кофте. – А я думала мой дурачок тут один, а он вон с каким видным мужчиной разговаривает, – окинула она Твердова быстрым взглядом.

Серега даже немного растерялся, и, слегка заикаясь, представил жену. Твердов отрекомендовался сам.

– А пойдете к нам, чаю попьем, – неожиданно предложила Ольга, нарушив неловкую паузу.

– А в самом деле пошли, чего на улице стоять, – поддержал ее муж, – пока Балабол не пришел.

– Ты иди, куда тебя отправили: за травой и серп возьми, неча руками рвать и про корову не забудь. А мы тут пока без тебя разберемся. Пойдемте.

Слегка поломавшись для вида, Твердов согласился. Они завернули за угол дома и оказались у точно такого же входа – только с другой стороны. Хотя нет, не такого. Здесь прогнившие ступеньки на крыльце давно требовали ремонта. Александр с величайшей предосторожностью обошел наиболее трухлявые доски и, открыв разошедшуюся дверь, очутился в заваленных разным хламом сенях. Ольга быстро распахнула следующую, подбитую изнутри войлоком, дверь и, улыбаясь, кивком пригласила войти. При этом Твердов случайно заметил, что во рту у нее не хватает доброй половины зубов.

Комната, куда он попал, мало отличалась от сеней: такой же бардак и разорение, плюс невыносимый запах жилья, детской мочи и еще чего-то кислого. Только и отличия, что помещение больше размерами и на стенах висят желтые в синюю вертикальную полоску порванные и испачканные обои. Посередине комнаты громоздится большой овальный стол, покрытый протертой клеенкой и заваленный грязной посудой. По периметру стола – старые табуретки. Справа от входа такая же кирпичная печь, как и у них в комнате, но гораздо грязнее. Слева

умывальник, под него подставлено почти полное с грязной мыльной водой ведро, алюминиевые крючки с махровыми полотенцами. Слева самодельный деревянный посудный шкаф, покрытый желтым лаком, у правой стены, прямо на полу рассыпан свежевыкопанный картофель отгороженный длинными рейками – занимал почти треть свободного пространства, Вход в следующую комнату прикрыт занавеской, сплетенной из конфетных фантиков.

Неожиданно из соседней комнаты к ним вполз абсолютно голый сопливый карапуз с соской во рту. Он усиленно заработал конечностями и пополз в сторону матери.

– Ты куда это, Вадик? – стараясь не открывать широко рот, улыбнулась Ольга и ловко подхватила с пола малыша. Бутуз недовольно запыхтел, начал елозить туловищем и вытягивать вперед испачканные ручонки, стараясь выскользнуть из материнских объятий. – А кто это у нас хочет ата-та? Ата-та по попе, – женщина засмеялась и ловко просочилась в проход между комнатами, головой раздвинув занавеску. – Миша, возьми Вадика и посади его на горшок, а то он сейчас прямо на пол сходит, – ласковым голосом сказала она кому-то внутри.

Твердов попятился к выходу, но тут занавеска вновь разошлась в стороны, и Ольга вернулась назад.

– Куда вы, Саша? А чай? У меня есть хорошие пряники, почти мягкие. Еще есть свежее крыжовенное варенье, сама варила.

– Спасибо, пока не хочется, – выдавил из себя Твердов, безгласно покосившись на захламленный стол и наваленную картошку.

– Ой, я сейчас все быстренько уберу, – засуетилась Ольга, перехватив Сашин взгляд, и метнулась к умывальнику, схватила лежащую рядом мокрую тряпку, отжала ее, кинулась к столу. – А на картошку не обращайте внимания. Просохла, поди, так мы ее после обеда в подпол спустим.

Загремели складываемые в стопку тарелки, кружки, лязгнули ложки и вилки. Через три минуты посуда переместилась в шкаф, очищенная от грязи клеенка заиграла сероватыми разводами. Ольга для надежности еще раз протерла стол сухим вафельным полотенцем и медленно выпрямившись, посмотрела на оторопевшего Твердова. У него перед глазами все еще стояли ее тяжелые белые груди с крупными коричневыми сосками. Было видно – хозяйка старалась так тереть стол, чтоб гость хорошенько разглядел ее.

– Садись, Сашенька, пока за стол, – Ольга вкрадчивым голосом позвала покрывшегося пятнами Твердова, споласкивая под умывальником большую фаянсовую кружку с изображением трех богатырей.

– Я уже для нее «Сашенька», – пронеслось у него в голове, и от этой мысли уши зарделись еще больше.

– Тебе покрепче? Погорячее? – словно, не замечая смущения, вещала соседка. – Хочешь с молоком? У меня молоко есть, правда, хорошее. Только что корову подоила, еще теплое. – Да ты садись, чего замер как вкопанный? – Ольга отодвинула от стола ближайший к нему табурет, смела с него рукой крошки и, приобняв его сзади, подтолкнула вперед. Твердов спиной почувствовал упругость ее грудей.

– Ольга, я, это, пойду, наверное, – начал он тихо мямлить, глядя в пол.

– Конечно, пойдешь, милый. Вот только попьешь чаю, и сразу пойдешь.

Отключив электрический чайник, она долила кипятка в заварку, и полезла в шкаф за вареньем, оттопырив свой неслабый такой зад. Твердов сразу догадался, что нижнего белья она не носит.

– Ольга, вы... ты... извини, но я, пожалуй, уже пойду, у меня дела, – переборков себя, наконец, заявил первокурсник.

– А что случилось? – повернула к нему голову женщина, не меняя положения тела и массивных ягодиц, обтянутых лишь тонкой тканью. Два налитых полушария, словно ядра от

осадной мортиры, призывно так покачивались буквально в полутора метрах от Твердова, что у него пересохло в горле.

– Да мне надо с подъемом флага определиться. И потом, у нас завтрак в столовой скоро.

Тут из соседней комнаты здорово потянуло сероводородом, и через бумажную штору просунулась довольная детская голова, принадлежащая чернявому мальчику с карими глазами лет шести-семи, которая радостно сообщила:

– Мама, а Вадик покакал! Много! У него теперь попа очень грязная.

Причем, как отметил про себя Твердов, мальчик абсолютно не был похож на Серегу. Слишком уж черненький какой-то сынок у русоволосого и голубоглазого Сереги.

– Ах ты, Господи, Миша, – всплеснула руками Ольга, – так чего ж ты ему попу не вытрешь?

– А я знаю чем? – пожал плечами Миша и полностью вошел в комнату. Мало того, что у него смуглая кожа и смоляные волосы на голове, так еще и черный волосистой пушок на руках. Миша, как и Вадик, разгуливал по дому, в чем мать родила.

«Такой маленький, а уже такой волосатый», – подумал Твердов, чувствуя, как запах из-за занавески становится все гуще.

– Тогда Иру попроси или Веру, – выпрямилась мать, держа в правой руке полную трехлитровую банку с крыжовенным вареньем.

– А они еще спят.

– Так разбуди их, сынок, видишь, к нам дядя в гости зашел. Скоро завтракать будем. Я вам кашу разогрею.

– Вижу, – пробурчал Миша, – не сводя загоревшихся глазенок с варенья.

– Иди, разбуди девочек, пускай Вадиком займутся.

– Да, они сразу драться станут.

– Ладно, сейчас приду, – улыбнулась Ольга, поставив банку на край стола. – Сашенька, посиди минутку, я, сейчас, быстренько.

Твердов заерзал на табуретке, его прямо подмывало встать и уйти. Вернее, бежать. Бежать отсюда подальше, без оглядки и больше никогда сюда не возвращаться. Ольга, легко ступая босыми ногами по полу, вышла из комнаты, а мальчик ее Миша остался у входа и, колу-пая маленьким пальчиком в смуглом носике. Он немигающим взглядом продолжал изучать командира отряда студентов и одновременно коситься на банку с вареньем. Твердов почему то остался.

– А ты что, студент? – бесцеремонно спросил Миша, вытащив из правой ноздри огромную зеленую козюлю и привычно размазал ее по стене.

– Студент, – кивнул Александр, внутренне содрогнувшись.

– Ты тоже с мамкой на чердак полезешь?

– Куда?!

– На чердак, – поднял глаза кверху малыш.

– Не знаю, а зачем?

– Так она завсегда со студентами на чердак лазает, а папка ее потом бьет в кровь.

– Миша, ты, что такое говоришь, – смущенно произнесла появившаяся из-за занавески Ольга с детским горшком в левой руке, прикрытым наглухо эмалированной крышкой.

– Я правду говорю, – топнул ножкой мальчик и неожиданно подбежал к помойному ведру и принялся в него яростно мочиться, направляя струю в самую середину ведра, отчего брызги полетели на и без того мокрую стену.

– Миша, ты чего творишь, – добродушно покачала головой его мама, – ты же уже большой мальчик, мог бы и на улицу выскочить.

– А мне сейчас вот приспичило! – сердито ответил сынок и, завершив мокрое дело, вернулся к столу.

– Ладно бы Боря так сделал, ему всего три года, а тебе уже скоро семь будет, в этом году в школу пойдешь. Там тоже так же станешь себя вести?

Миша насупился и не отвечал, продолжая исподлобья изучать Твердова. Ольга глубоко вздохнула и вместе с горшком быстро вышла в сени, прикрыв за собой дверь.

– Если с мамкой на крышу полезешь – убью! – тихо прошипел Мишка и с откровенной ненавистью взглянул на Твердова.

Пока тот соображал, что ответить, Ольга вернулась назад уже без горшка. Мальчик отвернулся, и, мелькая голой попой, скрылся за бумажной занавеской.

– Сашенька, ты не слушай его, – улыбаясь, замахала руками хозяйка. – Он несмышлёныш еще, дите. Сейчас я варенья тебе наложу.

– А сколько у вас... у тебя детей? – неловко поинтересовался Твердов.

– Шесть, – закрывая рукой, беззубый рот, улыбнулась Ольга. – Самая старшая Ирочка – ей девять лет, потом Верочка – ей восемь, вот Мишенька – ему в октябре семь будет, сейчас в школу хочу его отдать, еще Игорек, ему пять, Боренька – ему три годика и Вадик – ему в декабре один годик исполнится. Вот, десять лет как замужем за Анисимовым и уже шестеро детей.

– Лихо, – покачал головой Твердов, прикидывая в уме, сколько же лет она была беременной из этих десяти.

– Ну, что поделать? Раньше в деревнях и куда больше детей имели. Вот вареньице, вот чаек, вот ложечка, – Ольга суетливо пододвинула к Твердову дымящуюся кружку с чаем и торчащей из нее чайной ложкой и стеклянную вазочку с крыжовенным вареньем.

– Ольга, мне, правда, пора идти, – Твердов поднял глаза и посмотрел на присевшую напротив него хозяйку. В ее глазах светилась покорность и ласка. – Боюсь, у меня могут быть проблемы, уже почти половина седьмого утра, – он, смущаясь, перевёл взгляд на наручные часы.

– Балабола боишься? Ну, парторга, значит, – опустила она плечи и как-то разом постарев лет на пять.

– Не то, чтобы очень боюсь, но не хочется первый рабочий день начинать с неприятностей. А чай мы в другой раз попьем.

– Правда, – глаза ее вспыхнули с новой силой, сама она приосанилась, – попьем?

– Да, мы же соседи.

– Поможешь мне с крышей?

– А что с крышей? – насторожился Твердов, припомнив странную угрозу сопливого мальчишки.

– Да протекает, будь она не ладна. Мой-то только языком работать может, а руки как из одного места растут. Сколько ни прошу починить, все только завтраками кормит. Завтра, говорит, сделаю, все завтра. А как дождь идет, так приходится таз подставлять, – она подняла голову вверх и пальцем указала на черные разводы на побеленном потолке. При этом ее груди ожили и напомнили о себе, максимально растянув просторную кофту в стороны.

– Так я, это, не специалист по крышам, – смущаясь, ответил Твердов. – Я их никогда не ремонтировал.

– Да, там ничего сложного нет. Главное доски с земли наверх поднять, а старые гнилые оторвать и сбросить. Ну, а новые настелить и рубероидом сверху покрыть. Я бы сама все сделала, да одной не с руки все таскать наверх. Поможешь? – она с надеждой и посмотрела на Твердова и медленно обвела кончиком языка красноватые губы. – Все давно приготовлено: и доски, и рубероид, и гвозди, и молоток. А старые доски топором можно оторвать.

– Я подумаю, – еще больше смутился Твердов.

– Подумай, – склонилась над столом Ольга и ее груди стукнувшись друг об друга едва не вывалились наружу, – а я в долгу не останусь.

– А, правда, хорошо что Серега, вышел из колхоза, – попытался он перевести щекотливую тему в сторону, – да еще и по идейным соображениям?

– Правда, вышел. Это он так сказал: по идейным соображениям? Ха-ха-ха! Серега – рукожоп каких свет на видывал. Рукожоп, лодырь и алкоголик. Он только хорошо говорить может, да детей строгать. Этим меня, дуру, и купил в своё время: распрекрасными речами. А так он даже гвоздь путем в стену не вобьет: обязательно согнётся. Его же никто в серьез из нормальных мужиков не воспринимает. Поэтому он и из колхоза сбежал. Ведь его только на самую черновую работу ставили: навоз убрать, да коров пасти. На трактор раз посадили, так в первый же день чуть трактор и себя не угробил. Трактор жалко. Больше его к технике и на пушечный выстрел не подпускали.

– Почему?

– Да, недотепа потому что. Это он передо мной тут орел. А так, знаешь, ноль без палочки. В колхозе что? Там пахать надо, в технике разбираться, а они, видишь ли, не для того создан. Ты знаешь, что он в пединституте в свое время учился?

– Кто? Серега?!

– Да, Серега! Я же там с ним познакомилась.

– Ты тоже в пединституте училась?! – ошалел Твердов.

– Да, и не только училась, но и закончила начфак. Причем с красным дипломом. Не веришь? А я, между прочим, учительница младших классов. Даже успела почти два года поработать в школе, пока замуж за этого козла не выскочила и Ирочку не родила. А его, уroda, с четвертого курса вышибли. Даже, считай, почти с пятого, он летнюю сессию завалил, сволочь. Так и не восстановился.

– Он тоже на начфаке учился?

– Да, ну, брось! Там же одни девчонки на начфаке учатся. Сереженька у нас историк – на истфаке обучался. Тьфу! У него, видишь ли, философский склад ума, человек высокого полета. Теперь вот со своим умом ходит и по деревне побирается вроде деревенского дурачка. С колхоза ушел, а я вечно в декрете сижу, а жрать-то что-то надо.

– Как же вы живете?

– А, так и живем, – Ольга опять улыбнулась, прикрыв рот рукой, – перебиваемся. Хозяйство у нас небольшое: кролики, свинья, куры, корова Дунька, огородишко, да колхоз иногда выручает. Спасибо Николаю Кузьмичу, председателю нашему, не забывает нас, вот на днях комбикорм мне выписал. Я-то до декрета в колхозной школе преподавала.

– Ну, что? Согрела чай? – дверь с улицы широко распахнулась и в комнату с шумом ввалился веселый хозяин.

– Траву нарезал, кролям задал? Дуньку в стадо выгнал? – сходу набросилась на него Ольга, перестав улыбаться.

– Все в лучшем виде, – продолжал лыбиться Серега. – Даже с запасом!

– Тогда пойдй горшок Вадика вылей, там, в сенях стоит, и ведро под умывальником уже через край переливается.

– Давай потом, а?

– Иди сейчас, я сказала!

– Уже иду!

– Он, когда трезвый, так смирный, смирный, – криво ухмыльнулась Ольга, когда муж ее, стерев с лица улыбку, подхватил помойное ведро и, сгибаясь под его тяжестью, вышел из комнаты. – А как только шлея под хвост попадет, то звереть начинает! Во-о, глянь, – она открыла рот, продемонстрировав потерянные в семейных разборках зубы, – его работа!

– Как же ты его терпишь? – ужаснулся Александр, глянув на шербатый рот собеседницы. – Ты же физически сильнее его. Не можешь, что ли дать сдачи?

– Как же, дашь ему. У него, у пьяного, силы прямо утраиваются. Трезвого, кажется соплей можно перешибить, а как немного поддаст, так горы свернет. Причем, он только меня одну и бьет. Мужики-то деревенские его, при случае, дубасят почему зря. Вот он на мне после и отыгрывается. Как говорится: молодец – против овец, а против молодца – и сам овца!

– Так, а чего не разведетесь?

– И что потом? Куда я после с шестью детьми пойду? Кому я нужна?

– А твои родители что?

– Если бы мои родители сейчас были живы, то этот козел был бы тише воды, ниже травы. У меня папа профессиональный военный был, полковник, командир мотострелковой бригады. Умер, когда я еще в институте училась на третьем курсе. Он уже старенький был, еще в Отечественную войну воевал. А маму давно схоронила. Когда Анисимов приезжал свататься, то чуть в штаны не наложил со страха. Знаешь, какой у меня папа строгий был. Эх, да-а-а был бы жив, все бы по-другому было. Ох, только «бы» мешает! Что так смотришь, – улыбнулась Ольга, – вот, думаешь, как такие люди в таком дерьме живут?

– Ничего, я такого не думаю, – слегка покраснел Твердов.

– Думай, думай, ты красивый, молодой, сильный, такие парни женщинам очень нравятся. Поэтому они многое тебе простить могут, – вздохнула Ольга и бережно погладила Твердова по коротко стриженным волосам и заглянула в глаза.

– Так у тебя что, совсем никого из родных не осталось? Ты сама, откуда родом? – не поддавшись на провокацию, продолжил ее расспрашивать Твердов.

– Откуда? Так из города я, из того самого, где институт твой находится. И до окончания учебы в нем прожила. Сюда уже по распределению попала. А из родных – сестра старшая есть. Она сейчас в родительской квартире, в городе проживает. У нее у самой трое детей, да муж инвалид. Сама из сил выбивается – семью тянет.

– Ты разве городская? – еще раз изумился Твердов.

– А что, не похоже? Я же умывальник только здесь впервые увидела. Только тут в туалет на улицу стала ходить. Я, когда училась, даже в колхоз не ездила ни разу: все при институте оставляли работать. Вот там Сережу Анисимова и повстречала, он меня очаровал и сюда переманил. Теперь здесь мой дом. Уже после пришлось научиться и печь топить, и дрова колоть, и корову доить, и картошку сажать и много еще чего. Жизнь заставила и многому научила.

– Не жалеешь, что из города уехала?

– А что теперь говорить: жалеешь, не жалеешь. Ничего уже не исправить. Теперь детей поднять на ноги надо, в люди их вывести. Я же своего козла уже полтора года к себе не подпускаю, ты понимаешь, о чем я? – Ольга неожиданно перешла на шепот.

– Да, понимаю, – неуверенно произнес Твердов.

– Не сплю с ним как с мужем. Как осознала, что Вадиком беременна, так и перестала исполнять супружеские обязанности. Противен он мне, понимаешь?

Александр ничего не успел ответить, так как, побрякивая пустым ведром, в комнату вернулся довольный Серега.

– Все, мать, проголодался я! – объявил он, ставя ведро на свое место. – Грей кашу, и детей надо будить на завтрак.

– Хорошо, – вздохнула Ольга, поднимаясь из-за стола. – Ты с нами позавтракаешь? Я вчера пшенной каши наварила, на всех хватит. Со сливочным маслом.

– Давай, студент, поддержи компанию, – подмигнул Твердову Серега, – а то чай, разве это еда?

– Так он и чаю даже не попил, – покачала головой хозяйка. – Остыл, поди? Давай я горяченького подолью?

– Нет, спасибо, – попытался улыбнуться Твердов, – пойду я, пора. Уже половина седьмого. Почти целый час у вас просидел. Там ребята, наверное, уже потеряли меня.

– Да, никто тебя не потерял. Дрыхнут твои студенты еще без задних ног, а Ендовицкий только к семи заявится. А может, по маленькой? – Серега, щёлкнул себя пальцем по горлу. – Полчаса у нас точно еще есть. Мать, где у нас горячее?

– С утра? – Ольга удивленно посмотрела на Александра. – Ты будешь?

– Нет, нет, – замахал руками Твердов. – Я не пью!

– Совсем, что ли? – замер в замешательстве Серега. – Я же не предлагаю напиться в драбадан. Так, по пять капель, для поднятия жизненного тонуса, а?

– Ну, иногда, случается, выпиваю, но не с утра, это точно. Тем более скоро ваш Балабол подойдет.

– Хорошо, давай тогда вечером накатим? Договорились? – Серега с заговорщицким видом опять подмигнул Александру.

Твердов медленно встал с табуретки и посмотрел в сторону занавески между комнатами. Там явно кто-то стоял. Сцепленные между собой в длинные ленты конфетные фантики слегка подрагивали. Тот, кто там прятался, догадался, что его обнаружили и, не дожидаясь разоблачения, вышел вперед. Оказалось, что это девочка. Симпатичная, милая девочка с двумя русыми косичками в длинной розовой ночной рубашке. На худенькие плечи накинут цветастый платок.

– Здрасьте, – поздоровалась девочка, с интересом разглядывая замершего на месте Твердова.

– Доброе утро, – ответил он, и тут только заметил, что за ней крадется еще один ребенок. Девочка ростом поменьше, но такая же миловидная, с косичками и закутанная в платок.

– Ой, доченьки, проснулись уже, – просияла Ольга и кинулась обнимать сконфузившихся дочек. – Хорошо спали? Комары не доставали?

– Ладно, спасибо, как говорится за хлеб-соль, я пойду, – громко сказал Твердов и решительным шагом направился к выходу.

– Приходи в гости, – крикнула ему уже в спину Ольга, продолжая гладить еще не отошедших от сна дочерей.

– Товарищ Шурик, – догнал его уже в сенях Серега. – погоди! Так что на счет сегодняшнего вечера?

– А что?!

– Ну, это, – Серега вновь щёлкнул пальцем по горлу, – как?

– А-а, это. Так вечером же решили.

– Так-то оно так. Но, понимаешь, – Серега сделал вид, что мнется, – у меня всего одна бутылка красненькой. Да и та у жены. А она больше не даст. А что нам, двум здоровым мужикам, – при этих словах он так выпятил свою впалую грудь, что выше его почти на целую голову и гораздо шире в плечах, Твердов еле сдержался, от смеха, – одна бутылка красненькой? Тьфу! Только горло смочить. Я предлагаю еще взять сэма.

– Чего взять?

– Самогона. Председатель колхоза на время страды запретил водку у нас в деревне продавать, только красненькую, и то, не продадут, если в колхозе не числишься. Так что приходится сэм брать у надежных людей. Да ты не сомневайся: самогон проверенный – чистый как слеза и горит без копоти, Правда есть привкус такой не очень. Так его из патоки гонят, тут уж ничего не попишешь. Зато наутро после него голова не болит. Проверено на себе сто раз.

– Сколько надо? – сходу уловил Твердов.

– Ну, рубля два дай, если есть. По рублю поллитру продают. Начнём с двух. Там посмотрим, как масть пойдет. Можешь друзей еще своих пригласить, ну с деньгами, разумеется. С меня закусь.

Твердов вытащил из заднего кармана джинсов новенький черный кожаный кошелек, подаренный матерью перед дорогой и, порывшись, выудил из него мятую трешку:

– Мельче нет.

– Сгодится, давай тогда возьму сразу три. Ну, чтоб два раза не бегать. Далеко, падла, живет.

– Возьми, но ты без меня не того, – Твердов строго, сверху вниз, посмотрел на Серегу, – не усугубишь?

– Да, ты что, Шурик, окстись! – Мы же соседи с тобой, как-никак! Я вам еще вечером кукурузы принесу, бесплатно. Любишь кукурузу?

– Люблю, только вареную. А где мы ее варить станем?

– Не вопрос, у вас же возле дома печка стоит железная. Дров во дворе полно, если что, можете у меня взять. У меня в поленнице посуше дрова. У вас просто кучей навалено. Привезли неделю назад, свалили, а в поленницу никто не удосужился оформить. Дрова так не высохнут нормально, в куче-то.

– С дровами понятно. А варить в чем?

– Как в чем? В ведре, разумеется, ты там пошукай, у вас в сених ведра должны стоять. По крайней мере, когда кровати завозили, дней пять назад, я их там видел. А если что, то я и ведро вам свое выделю, если ваше увели. А вода в колодце. Отличная вода: ее можно пить прямо так. Никакой микроб в ней не водится: чистейшая и очень вкусная.

– А где колодец?

– Да, рядом! Сейчас покажу, – сказал довольный Серега, бережно убирая полученную от Твердова трешку во внутренний карман пиджака.

– Эй, Анисимов, ты чего там застрял?! – дверь, из квартиры, ведущая в сени отворилась, и недовольный Ольгин голос потребовал немедленного возвращения мужа.

– Ты, пока, иди, а я чуток попозже выйду, покажу тебе, где что расположено, – торопливо проговорил Серега, как солдат повернулся через левое плечо и спешно вернулся в дом.

Глава 3

На улице Твердов облегченно вздохнул. От свежего утреннего воздуха у него буквально закружилась голова. Какой все же там гадкий запах в доме у Анисимовых. Судя по часам, провел в ней не больше часа, но возникло ощущение, что целую вечность.

Где-то совсем рядом, за соседским забором через дом, вдруг заголосил петух. Немного погодя ему откликнулась еще парочка запоздавших крикунов, где-то на другом краю деревни. Теперь они уже вдвоем во все петушиное горло начинали новый день. Туман значительно рассеялся, обнажив флагшток с болтающейся внизу мокрой тряпкой красным флагом и мертвого вида железную печь, о которой столько все говорили. Твердов попытался отжать флаг руками, но он от этого только еще больше скукожился и превратился толстый скрученный в жгут кусок красной материи.

– Да не трогай ты его, не выкручивай, потом высохнет и сам расправится, – произнес выбравшийся из общего туалета Пахомов. – Привет, командир. Брось флаг, с ним ничего не случится. Лучше скажи, что с толчком делать? Я минут двадцать ждал, пока оттуда наши барышни вылезут. Чего они там так долго? Не понимаю.

– А ты вот у них и спроси, – ответил Твердов, пробуя, как скользит веревка, к которой привязан флаг.

– Нет, я серьезно, – нахмурился Пахом, – что за беспредел: выделить нам на всех один общий туалет. Общий! Там видел, какие щели?!

– Пахом, ты чего ко мне с какой-то ерундой пристал? – прищурился Твердов и с интересом посмотрел на приближающегося к нему Сергея Пахомова.

– Здрасьте, приплыли! А к кому я должен обращаться, если ты теперь у нас командир отряда. Ты командир, ты теперь и решай. Обустраивай, так сказать, наш повседневный быт. И общий туалет, это, извини, не ерунда. Это – бытовые неудобства. Сам-то куда бегаешь?

– Я – к соседу. Он разрешил нашим парням к нему в уборную ходить. Можешь воспользоваться его гостеприимством.

– От молодца! – просиял собеседник. – Уважуха! Да ты не так веревку тянешь, видишь, она перекрутилась вверх.

Вдвоем он быстро разобрались с верёвкой, ругая на все лады въедливого парторга Ендовицкого. Понемногу к флагштоку стали подтягиваться и остальные бойцы отряда. В основном мужской его части.

– А чего девчонки не встают? – поинтересовался Александр у гордо продефилировавшей мимо него в нужник несостоявшейся командирши Вики Глазовой. – Скоро же подъем флага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.